

НОВЫЕ КНИГИ ПО СОЦИАЛЬНЫМ И ГУМАНИТАРНЫМ НАУКАМ

КНИГИ О КНИГАХ, ЧИТАТЕЛЯХ И СОБИРАТЕЛЯХ: ЭФФЕКТ ОДНОВРЕМЕННОГО ЧТЕНИЯ

Наталья Вадимовна Веселкова (vesselkova@mail.ru)

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия

Цитирование: Веселкова Н.В. (2025) Книги о книгах, читателях и собирателях: эффект одновременного чтения. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 28(1): 239–261. <https://doi.org/10.31119/jssa.2025.28.1.11> EDN: DCLYPY

Аннотация. Синергетический эффект одновременного чтения рассматривается на примере недавней книги оксфордского профессора английской литературы Эммы Смит «Записки библиофила» и отстоящей от нее на полвека «Истории советского библиофильства» ленинградского профессора русской литературы Павла Беркова. Сталкивая две традиции восприятия книги, отечественную образца 1960-х и нынешнюю британскую, такое чтение помогает оценить современный поворот к материальности, настраивающий внимание на агентности вещей. Анализируются модуляции личного модуса письма, трудной памяти, книжности и антропоморфности. По-разному решенное включение авторского «я» актуально в свете текущих дискуссий о трансформациях норм научного стиля. Насколько личностным, биографически окрашенным может быть текст ученого, поднимающий специальные вопросы и пронизанный фундаментальной этической проблематикой? Совместное чтение показывает, в каких случаях и для чего авторы прибегают к личностным акцентам. У Беркова личный модус задействован в работе трудной памяти, в рассказе о репрессированных ученых, библиофилах (Н.Н. Орлов, Н.П. Лихачев). У Смит иначе в контексте глобальных неравенств решена тематика трудной памяти. Понятие книжности у Смит отличается от принятого в отечественной традиции и описывает мультисенсорную материальность книги, объединяющую форму с содержанием. Уходя от романтизации книжности, Смит рассматривает участие книг в социальных макропроцессах: противоборстве идеологий, распространении маркетинговых стратегий и т.п. Оба автора настаивают на агентности книги, но у Беркова это возвышающая человека сила, у Смит — амбивалентная. Для Смит принципиален отказ от уравнивания книг с людьми.

Ключевые слова: книжность, материальность, личный модус письма, ремедиация, антропоморфность, Павел Берков, Эмма Смит.

Когда одновременно читаешь несколько книг, возникает синергетический эффект — тексты накладываются друг на друга, заостряя определенные моменты и создавая новые смыслы. Обратной стороной может стать путаница.

Такое одновременное, или совместное, по типу конджойнт-анализа¹, восприятие правомерно считать разновидностью сравнительного анализа, с той разницей, что для обычного сравнения система критериев задается заранее, а в одновременном чтении она вырастает по мере знакомства с текстами. Читатель оказывается в роли испытуемого, а не автора конджойнт-исследования. Именно так, с позиции читателя, и построена эта статья. Ее цель не в оценке произведений по заданным параметрам, а в отслеживании эффектов совместного чтения на предмет того, «как оно работает». Вместе с тем некоторые из возникших в ходе чтения объединяющих тематик использованы в качестве подзаголовков: они касаются особенностей включения авторского «я», трудной памяти, книжности и антропоморфности.

Смит и Берков: (не)странные сближения

Предметом моего интереса являются две книги: «Записки библиофила» Эммы Смит (2023 [2022])² и «История советского библиофильства» Павла Беркова (1983 [1971]). Объединенные, как следует из названий, библиофильской тематикой, в остальном они сильно разнятся и тем убегают от путаницы и неконтрольных совмещений.

Оба автора — профессора прославленных университетов: Смит — английской литературы в Оксфорде, Берков — русской литературы в Ленинграде. Смит родилась в 1970 г., через год после смерти Беркова, и пишет в духе современной критической теории. Берков (1896–1969), закончивший в начале 1920-х гг. Венский университет и будто бы там завербованный, что ему пытались инкриминировать в 1938–1939 гг., более года провел в заключении (Андреева, Ростовцев б. д.). Его произведения опираются на широкий круг источников, включая российские дореволюционные издания и зарубежные новинки, интерпретируемые по канонам советской науки. «История советского библиофильства» (далее — ИСБ,

¹ Конджойнт-анализ, или совместный анализ (conjoint от англ. consider + jointly), — разновидность «опросного эксперимента». В отличие от классического эксперимента, участнику (испытуемому) предлагается отреагировать на воздействие не одного фактора, а нескольких, представленных в совокупности. Применяется в маркетинговых исследованиях для изучения предпочтений потребителей. В социологии и психологии чаще используется родственный метод виньеток.

² Далее ссылки на книгу Смит даются без указания года издания.

1971; 1983)¹ является итоговой, уже посмертно изданной монографией. Поскольку ИСБ — часть трилогии², в пул одновременного чтения включены также первые две части: «О людях и книгах» (Берков 1965) и «Русские книголюбые» (Берков 1967).

Личный модус письма

Берков, как и Смит, постоянно балансирует, скользит между академическим стилем и популярным, давая богатую пищу для размышлений о трансформациях научного письма. Его стилистика претерпевает ощутимые изменения, колеблясь между полной безличностью и подчеркнутой артикуляцией авторского «я».

В XXI в. сторонники безличной стилистики по-прежнему считают ее необходимым выражением «обобщенности и объективности», и даже в академическом «мы» усматривают признаки провинциальности (Колесникова 2010: 134, 135). Прямо противоположная тенденция состоит в максимальной открытости авторской позиции, в том числе через грамматику единственного числа первого лица. Такая вовлеченность все более востребована в качественных социально-гуманитарных исследованиях (Colyar 2009; Venkatesh 2013³). Впрочем, различия между естественно-научными дисциплинами, более склонными к обезличенности, и гуманитарными, легче допускающими присутствие автора, постепенно ослабевают (Hyland, Jiang 2016; 2019), что не означает, однако, полного исчезновения разногласий. Говорят специалисты и о национальных различиях языковых культур, включая русскую и английскую (Vassileva 1998; Щемелева 2013; Кипиани 2018; Колесникова 2022), что делает совместное чтение Беркова и Смита весьма поучительным.

¹ В издании 1983 г. по сравнению с первым изданием 1971 г. добавлена вступительная статья Д.С. Лихачева о Беркове, в предисловии А.А. Сидорова дана другая фотография Беркова, расширена подпись к ней — по тому же шаблону, что и к портретам других библиофилов, фигурирующих в работе, предисловие стилистически подправлено. Добавлены примечания научного редактора (В.А. Петрицко) и именной указатель (составленный М.Д. Эльзоном).

² Если поначалу специалисты осторожно говорили о «как бы библиофильской трилогии» (Машкова 1978: 14; курсив мой. — Н.В.), то сегодня — уже более уверенно (Николенко 2021: 370), причем даже о тетралогии, если иметь в виду неизданный биобиблиографический словарь Беркова «Советские библиофилы, книголюбые, книгособиратели наших дней (1950–1960-е гг.)» (Николенко 2021: 376).

³ Повествование Судхира Венкатеша о его исследовании выдержало на русском уже два издания (Венкатеш 2018; 2021). На его работы меня натолкнуло знакомство с диссертацией Ольги Пинчук (2025).

Особым явлением в истории советского библиофильства Берков считал возникновение «полухудожественной, полу-очерковой» библиофильской литературы, обращенной к самой широкой аудитории (Берков 1983: 208). Как обещал в одной из первых публикаций такого рода Н.П. Смирнов-Сокольский (Берков ссылается среди прочего на эту его статью в «Смене»), его новеллы о собранных книгах не будут обычным библиографическим описанием, «пригодным лишь для специалистов», но «маленькими биографиями каждой книги: ее история, история ее автора и описание обстоятельства, при которых она попала ко мне» (Смирнов-Сокольский 1945: 13). Появление такой литературы, по наблюдениям Беркова, зародилось в конце Великой Отечественной войны — в период, как мы могли бы сегодня добавить, послевоенного общественного подъема, ощущения свободы и ожидания лучшей жизни. В конце 1960-х Берков уже имел основания утверждать, что возникшее двадцать лет назад направление «создало прочную, жизнеспособную традицию» (Берков 1983: 208–209).

Отдал дань «полухудожественному, полу-очерковой» традиции и сам Берков, особенно в первой и второй частях трилогии. Они получились очень личностными, биографически окрашенными и потому вписались в волну не только массовой библиофильской, но и автобиографической литературы 1950–1960-х годов, отвечавшей требованиям искренности¹. Берков играет с установками и ожиданиями этого течения, приводя в предисловии к очеркам «О людях и книгах» спор со знакомым писателем, словно бы желчным своим альтер эго, усомнившимся в способности Беркова тягаться с «автобиографическими повестями И. Эренбурга, К. Паустовского и других» (Берков 1965: 5). «О людях и книгах» поражает еще и каким-то, мне кажется, отпечетливым оформлением, нехарактерным для других, куда более строгих берковских трудов. Прошло несколько лет с разгрома манежной выставки 1962 г., однако тот дух (а работавший над книгой художник Алексей Колли входил в студию «Новая реальность» Элия Белютина; см.: Молева 2003), словно бы витает в этом издании (рис. 1).

В предисловии ко второй книге трилогии Берков специально оговаривает ее очерковый характер, напоминающий «скорее беллетристику, чем научное исследование» в силу обращенности «к широким слоям чи-

¹ К исповеди, а не к проповеди призывала быстро ставшая культовой статья В. Померанцева «Об искренности в литературе» (Померанцев 1953; см. анализ этого феномена: Руттен 2017). С тех пор тяга к искренности неоднократно возвращалась.

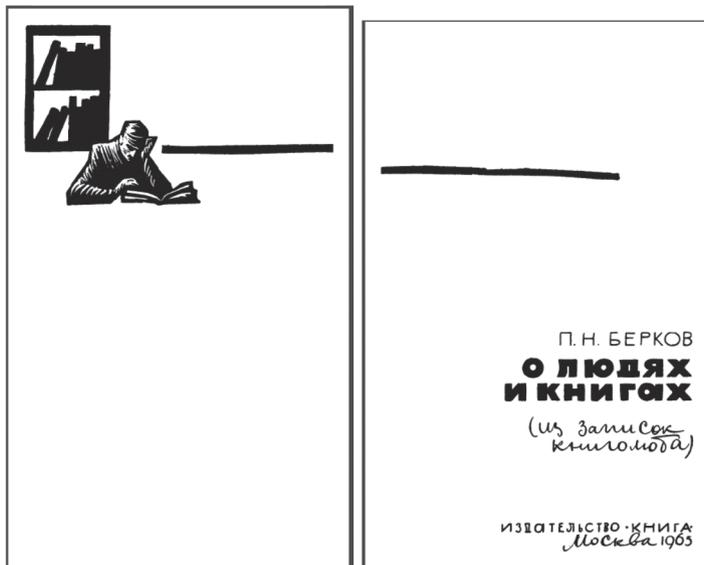

Рис. 1. Разворотный титул книги «О людях и книгах» Беркова (1965), положившей начало его библиофильской серии.
Оформление художника А.В. Колли

тателей». И хотя в качестве таковых Берков имел в виду «студента, библиотекаря, журналиста, писателя и т.д.», а не слесаря или бухгалтера, все же это был заметный шаг в сторону от «специалиста-библиофила». К тому моменту почти законченная, как отмечает автор в том же предисловии, ИСБ «имеет более систематический», т.е. академичный, характер изложения (Берков 1967: 9–10). Тем ценнее и интереснее в ИСБ личный модус письма: «Всякий раз, когда я знакомлюсь *de visu*, лицом к лицу с какой-нибудь библиотекой, <...> меня больше, чем “цимелии” данных коллекций, интересует “дух”, моральная атмосфера этих книжных собраний» (Берков 1983: 231, курсив мой — Н.В.). Подобные откровения от первого лица присутствуют в ИСБ Беркова, впрочем, как и в «Записках» Смит, довольно редко.

В ИСБ личный модус имеет оттенок мемуарности, апробированный в первых частях трилогии, но теперь приглушенный. У Смит мемуарности практически нет, за исключением флешбэка о детском чтении. Во введении она как бы представляется читателю: «Я родилась и выросла на западе этого графства <Йоркшир>, в Лидсе, первые, еще робкие вылазки в мир

книг совершала в библиотеке Брэмли» (Смит: 12). Рассказ о желтоватых суперобложках клуба заказа книг по почте, «в котором мои бабушка и дедушка, не особенные любители чтения, в 1950-х годах приобрели почти все книги своей немногочисленной библиотеки», чем-то напоминает прием У. Эко в романе «Таинственная пламя царицы Лоаны», где герой забрался на чердак со стопками журналов своего детства. В дальнейшем встречаем лишь точечные — и потому столь оживляющие (и желанные?) — вкрапления личных ремарок, относящиеся уже к настоящему времени. Так, рассуждая о традиции дарения книг в королевском собрании, Смит мимоходом замечает: «Конечно, мне бы хотелось думать, что она <английская королева>, как и моя мама, законопослушно покупает книги, написанные ее детьми» (Смит: 63).

Не чужд личных ремарок, как становится ясно в совместном чтении, и Берков. Он использует собственные воспоминания о книжной торговле 1920-х гг., отдельных библиофилах и их объединениях как один из источников, тем более востребованных, что «печатных сведений... почти не сохранилось» (Берков 1983: 84). Множественное «мы» (нам, наше) своим академизмом приглушает «слишком» личный характер этого источника, но даже в таком виде личный модус несет в себе эмоциональный заряд, работающий на усиление акцентов. Сетуя на ограниченность материалов, после обычного «к сожалению» в следующем же предложении Берков подчеркивает: «к большому нашему огорчению» (Берков 1983: 85). Огорчение относится к «крупнейшему и культурнейшему из русских антикваров» П.П. Шибанову, описавшему дореволюционную антикварную книготорговлю, но не сделавшего этого для раннесоветской, в управление которой он был включен. Его взгляд изнутри, по мнению Беркова, очень бы пригодился. Тот же акцент относится и к необходимости фиксировать сведения из первых уст, включая собственные.

Правда, для характеристики московской книготорговли «[д]аже собственная память не может *нам* помочь, так как в 20-е гг. *нам* редко приходилось бывать в Москве, и *мы* помним только, что лучшие магазины... находились, как и до революции, на Моховой, против университета» (Берков 1983: 85, курсив мой. — Н.В.). В этой ситуации Берков принимает рискованное решение судить о Москве сквозь призму более подробных сведений о Ленинграде. Академическое «мы» (его искусственность при отсылке к личному биографическому опыту бросается в глаза), по всей видимости, призвано поддержать этот методологический ход.

В анализе букинистической и антикварной книготорговли Петрограда/Ленинграда 1920-х гг. Берков уже полномасштабно оперирует своими воспоминаниями, эксплицируя источник через ремарки («[п]о нашим

наблюдениям», «на наш вопрос» — Берков 1983: 87, 88) и целые вставные виньетки вроде примера про чудесную находку на книжном базаре экземпляра книги Н. Некрасова с его собственноручными пометками. Нелепое академическое «мы» сменяется человеческим «мы», относящимся к двум людям: «мы вместе с покойным проф. В.Е. Евгеньевым-Максимовым» — и полноправным «я»/«мои»: «в мои руки попал экземпляр», «[я] сразу же передал его» (Берков 1983: 88). Полный динамизма пассаж («сразу же», «немедленно», «оказалось») хорошо передает азарт книжных поисков: Берков не преминул отметить, что это он нашел ценнейший экземпляр. Автор с чувством смакует свой опыт, но только в пределах виньетки, короткой зарисовки, уже на следующей странице возвращаясь к бесстрастному академизму «мы».

Личный модус и трудная память

Посредством такого же конвенционального «мы»/«нам» или вовсе безличных конструкций Берков вводит в оборот свою переписку с библиофилами и библиографами — еще один источник, активизирующий институциональные сети:

В письме от 3 августа 1965 г. профессор Б.С. Боднарский, последний председатель Русского библиографического общества, называет Н.Н. Орлова своим другом»; «В апреле 1962 г. Н.Н. Орлов в ответ на просьбу сообщить сведения о своей библиотеке и ее судьбе прислал нам подробное письмо (Берков 1983: 133).

В случае с Орловым, репрессированным в 1930-е годы, мы сталкиваемся с бытованием трудной памяти — не только в 1960-е, когда готовилась ИСБ, но и в 1970-е и 1980-е, когда выходили два ее издания. Анна Николенко, автор многочисленных публикаций о Беркове (Николенко 2011а; б; в; 2012а; б; 2017; 2019; 2021), отмечает, что «Павел Наумович заново вписал с историей» имена видных деятелей отечественной книжной культуры, «которые на протяжении нескольких десятилетий находились под запретом и фактически были забыты» (Николенко 2021: 370).

Сам же Берков утверждает, что Н.Н. Орлов (1898–1965) «безусловно заслуживает сохранения его памяти в истории советского библиофильства» (Берков 1983: 132). И далее рассказывает о нем, отчасти от своего лица как участник библиофильского сообщества, отчасти как бы от всего этого сообщества, передавая уважительное мнение о замечательно подобранной библиотеке Орлова. О ней «в конце 20-х гг. в Москве и Ленинграде ходили самые легендарные слухи. На заседаниях Ленинградского общества библиофилов и ленинградского Русского библиологического

Рис. 2. Портрет Н.Н. Орлова с его учителем Б. С. Боднарским в первом издании ИСБ (Берков 1971: 119)

общества нам часто приходилось слышать: «Такая-то книга имеется только в библиотеке Н.Н. Орлова»» (Берков 1983: 133).

Излом судьбы человека как будто утоплен в судьбе библиотеки: «После того как он [Орлов] вынужден был оставить Москву, никто не мог сказать ничего о судьбе этого выдающегося собрания» (ср. с цитатой из письма Орлова: «До 1934 года, когда я покинул Москву») (Берков 1983: 133). За «вынужденным оставлением» столицы стоит арест 1933 г., ссылка и новый срок с последующим запретом возвращаться в Москву, после чего Орлов так и остался в месте ссылки, Караганде. Не будучи напрямую названными, эти обстоятельства тем не менее вполне считаются. Их описание идентично в обоих изданиях ИСБ. А вот парный портрет Орлова с его учителем Боднарским (Берков 1971: 119, рис. 2), в 1983 г. исчез.

Еще один подвергшийся гонениям ученый, Николай Петрович Лихачев (1862–1936), в ИСБ многократно упоминается в связи с библиофильскими обществами. В первой части трилогии ему отведен целый «именной» подраздел, предваряемый справкой об Институте книги, документа, письма АН СССР, возникшем «на основе огромного и ценнейшего собрания академика Н.П. Лихачева». Дается и биографическая информация о самом Беркове: в 1930-е (фактически до собственного ареста), он заведовал основным отделом института и имел возможность изучать — но не изучить, как он подчеркивает, — «исключительные книжные богатства того собрания» (Берков 1965: 84).

Возможно, интереснейшая из четырех главок «лихачевского» раздела посвящена библиомании. Часто обсуждаемая в библиофильской литературе, тематика библиомании не обойдена вниманием и у Смит, но у Беркова она решена в авантюрном ключе. Уже на уровне рисунков (оценим еще раз мастерство А. Колли!): старинная книга и человек с ножом в на-

Рис. 3. Начало главки о библиомании по материалам собрания Н.П. Лихачева (Берков 1965: 111).
Оформление художника А.В. Колли

чале, топор на фоне раскрытой книги в конце — заявлен криминальный сюжет (рис. 3).

По материалам одного из «картонов Лихачева» Берков рассказывает про библиоманов-убийц Тиниуса и Дона Висенте с опорой на книгу Альбера Сима «Книголюбы и книгокрады»¹, а также сообщения немецкой

¹ Название в переводе Беркова. Он пользовался оригинальным парижским изданием 1903 г. (Берков 1965: 143, примеч. 115). Сокращенный русский перевод Веры Мильчиной, озаглавленный «Любители книг и книжные воры», появится только в 1980 г. (Сим 1980). Истории убийц в нем попали под сокращение. Про «книготорговца-убийцу» «Винцента барселонского» узнаем только, что он совершал свои преступления из любви к книгам, «оттого что не мог расстаться с ними, <...> ...ради удовольствия листать их, рассматривать, любоваться ими, питать ум и душу», в отличие от другого персонажа, воровавшего ради наживы (Сим 1980: 221). Берков оговаривает «соответствующую испанскому произношению» форму имени «Дон Висенте», в отличие от «Дон Винсенте» (Don-Vincent) у Сима (Берков 1965: 142, примеч. 116), разнящуюся и с «Винцентом» у Мильчиной. В таких деталях, на мой взгляд, очень хорошо проявляется исследовательская, культурологическая щепетильность, самостоятельность и состоятельность Беркова, независимо от того, в каком жанре он выступает, сугубо академическом или «полухудожественном-полу-очерковом», как в данном случае.

и французской прессы. Дело Дона Висенте в свое время вдохновило молодого Флобера на рассказ «Библиомания» — Берков прослеживает историю его публикации и последующих путешествий рукописи. Главным же, хотя и будто закулисным, персонажем оказывается сам Н.П. Лихачев. Между делом читатель узнает, что в «дореволюционное время» Лихачев был профессором Археологического института и подбирал примеры, чтобы учить студентов отличать подлинники от фальсификаций, в конце 1920-х возглавлял Музей палеографии АН СССР на Петрозаводской улице (Берков 1965: 114, 111–112). Адрес очень важен, поскольку речь идет о так называемом Доме Лихачева, специально выстроенном и оборудованном для хранения, изучения и демонстрации коллекций (Мещерская, Пиотровская 2012: 51; Москаленко 2011: 18).

О том, что до революции это был собственный дом и собственное собрание ученого, равно как и про его арест в январе 1930 г. и продлившуюся до 1933 г. астраханскую ссылку, Берков писать, конечно, не мог. Тем не менее он дает подсказки-координаты в виде дат: намеченная в 1929 г. его собственная встреча с Лихачевым смогла состояться лишь в 1933 г. Объяснение в виде «решительной реорганизации Академии наук», «должностных и других перемещений» (Берков 1965: 112) вряд ли многое скрывало от современников. Сегодня же исследователи прямо называют те события трагедией — спешный переезд музея и чехарда реорганизаций повлекли разделение коллекций и «невосполнимые утраты» (Мещерская, Пиотровская 2012: 49, 55, 60, 61; Воссоздан ... 2022; Самарин 2023). Полагаю, своими работами Берков внес лепту в «полномасштабную личную и научную реабилитацию» Лихачева, начатую в 1962 г., как пишет Т. Агейчева, статьей журнала «Советская археология» (Агейчева 2023: 30)¹.

Воспевая книжность

Не только Берков, но и Смит выступает свидетелем времени. Если Берков вспоминает времена сорокалетней давности, Смит служит рупором совсем недавнего пандейминоного прошлого, будь то всеобщий переход на

¹ Публикация 1977 г. о Н.П. Лихачеве и Музее палеографии начинается с обширной выдержки из книги Беркова, есть ссылки на него и дальше, наряду с многочисленными данными из Ленинградского отделения Архива АН СССР и других источников, но без малейшего намека на репрессии (Свойский 1977). О «репрессированной науке» стали говорить только в годы перестройки (Климанов 1991). В конце 2022 г. воссозданный Палеографический кабинет был торжественно открыт на прежнем месте, в Доме академика Н.П. Лихачева на Петрозаводской (Воссоздан... 2022).

онлайн-встречи с попадающими в кадр книжными полками (Смит: гл. 4) или вынужденное переключение на онлайн-ресурсы библиотек в период локдауна (Смит: 270–271). По-новому открывшиеся тогда богатства цифровых хранилищ, по ее мнению, лишний раз подчеркивают, оттеняют значение материальности книги.

Библиофильское восприятие книги с большим вниманием к внешнему виду очень понятно в свете материального поворота. «Форма имеет значение», — провозглашает Эмма Смит, поясняя свой «поворот» к материальности: «В форме запечатлен исторический и культурный момент появления книги; форма обладает собственной политикой и идеологией; мы считываем форму почти бессознательно, всеми чувствами, и до, и во время того, как читаем слова на странице» (Смит: 14).

Беркову тоже важна «внешность» книги, но, в отличие от Смита, он скорее прекрасодушен, чем критичен. Впрочем, как и Смит, он говорит о встроенной в восприятие книги многоаспектности, включающей отношение к автору, его героям, а также к иллюстраторам, типографам и переплетчикам, вложившим в книгу «свой талант, изобретательность, умение, понимание красоты, свое желание доставить читателю радость и наслаждение» (Берков 1965: 7–8). Собственно, о книгах «как таковых» говорят все книговеды и библиофилы, тем отличаясь от литературоведов, критиков и рецензентов, лишь изредка дарящих вниманием материальность книги, обычно под конец разбора.

Смит, однако, уже во введении постулирует «волшебную нераздельность формы и содержания книги» (Смит: 15). Такое единство она предлагает называть **книжностью**. Образованное в XIX в., это слово «подразумевает физическую автономию и жизнеспособность книги»¹. Давая волю выраженно личному стилю, Смит признается: «Мне оно нравится тем, что побуждает нас рассматривать книги с точки зрения самой книги», тех впечатлений, которые возникают при соприкосновении с ее об-

¹ Нужно отдать должное переводчику Татьяне Камышниковой. В оригинале образование слова bookhood объясняется по аналогии с childhood и brotherhood, детством и братством. Для русской «книжности» переводчице пришлось подобрать другие созвучия: «юность» и «зрелость».

В русскоязычном обиходе «книжность» имеет, конечно, иные оттенки смысла: начитанность и в то же время оторванность от жизни (Апухтина, Невелова 2012). В качестве английского эквивалента «книжности» Н. Апухтина и В. Невелова используют не bookhood, а booklore, ибо говорят о письменности и знаниях безотносительно к материальности. В обсуждении книжности в цифровую эпоху популярно слово bookishness (см. влиятельные работы Джессики Прессман: Pressman 2009; 2018; 2020).

ложкой, весом, шелестом страниц, ароматом. Фразы или картинки запоминаются в определенном месте разворота, поэтому так важна верстка, а также в каких обстоятельствах, в каком настроении, как конкретно ты читаешь — все это создает особый «запах» любимого рассказа» (Смит: 15–16).

Книжность тем самым означает многогранную мультисенсорную плотность книги и рассматривается как неотчуждаемая, неотъемлемая и необходимая часть чтения, но не только его. Следуя в русле современных трактовок материальности чтения (Schilhab, Walker 2020, см. в обзоре Павла Арсеньева (2022); Metz 2021), Смит анализирует участие книг в социальных макропроцессах: противоборстве идеологий, распространении маркетинговых стратегий и т.п.

Обе работы, и Беркова, и Смит, имеют в заглавии слово «библиофилов»¹. Сами авторы, однако, от библиофилов как собирателей редкостей дистанцируются, ибо воспевают книгу как демократичное и общедоступное явление (Смит: 22). Берков, немного не доживший до учреждения в 1974 г. Всесоюзного добровольного общества любителей книги, приветствует растущую массовость книголюбов.

Эмма Смит с позиций критической теории изобличает явные и скрытые неравенства, демонстрируя, как «[м]атериальность книг ставит их в центр серьезных споров о справедливости, свободе и культурной ценности» (Смит: 19). В первой же главе жертвой этого подхода становится Иоганн Гутенберг, точнее, представление о его первопроходческой роли. Смит решительно «ниспровергает заветные мифы о происхождении книгопечатания, помещая «печатную книгу в более широкий, более агрессивный и политизированный нарратив»² (Смит: 6). На фоне «китайских и корейских первопроходцев печати», опередивших Гутенберга на несколько веков (Смит: 33), его триумф окончательно меркнет. Бытующее ныне «гиперболизированное, западноцентричное представление о возникновении и развитии печати» было изобретено в XIX веке, когда «[e]вропейцы, сделав превосходство своих технологий оправданием и средством контроля над колониями, решительно отвергли все технологические

¹ В английском названии книги Смит («Портативная магия: история книг и их читателей») их нет, однако присутствующий в оригинале и утраченный в российском издании тематический индекс фиксирует многократные появления «библиофилов/собирателей книг» в тексте.

² В примечаниях Смит сообщает о доступных онлайн Библиях Гутенберга в Британской и двух американских библиотеках, но ничего не говорит об экземпляре РГБ, скан которого с 2019 г. находится в открытом доступе (Смит: 257; Biblia).

достижения Востока» (Смит: 35). По мнению Смита, миф о Гутенберге служит «нагляднейшим примером амнезии», преуменьшающей «роль технических, культурных, научных открытий, вообще учености исламских и восточноазиатских культур» (Смит: 33–34).

Вместо того чтобы превозносить революционность достижений Гутенберга, Смит показывает, как печатная Библия воспроизводила привычные черты рукописной: текст в две колонки, «приятный глазу» готический шрифт и другие черты преемственности. Фактически она разбирает феномен ремедиации, как с легкой руки Дж. Дэвида Болтера и Ричарда Грусина (Bolter, Grusin 1996; 2000: 45; Bolter 2016)¹ стали называть репрезентацию одного типа медиа в другом. Даже сама глава про Гутенберга начинается у нее точно так же, как статья Болтера и Грусина (Bolter, Grusin 1996), — с эпизода фильма, только у них это «Странные дни» (реж. Кэтрин Бигеллоу, 1995), а у Смита — «Послезавтра» (реж. Роланд Эммерих, 2004).

Смит использует другое понятие — скевоморфный дизайн (Смит: 28), ловко соединяя с его помощью Гутенберга с современностью, ведь оно обозначает так хорошо знакомые сегодня имитации щелчка затвора в цифровой фотосъемке, шороха перевернутой страницы в электронной книге и т.п. По сути, ремедиация и скевоморф описывают одно и то же явление — подражание новых технологий старым, но «ремедиация» подходит с позиций медиатеории, «скевоморф» же закрепился за (цифровым) дизайном, теперь уже устаревшим². По мысли Джейми Джоунс, скевоморф представляет собой специфически ностальгический тип ремедиации (Jones 2017: 5). Возможно, привлечение именно этого понятия, закрепившегося в цифровой среде и ностальгического, наиболее удачно в разговоре о тревожных превращениях книги в эпоху цифровых технологий, который где исподволь, а где в полный голос ведет Эмма Смит.

¹ Развивая мысль Маклюэна из «Понимание медиа» 1964 г. о том, что «содержанием» одного (нового) медиа всегда является другое (старое), Болтер и Грусин подчеркивают, что это «не просто перенастройка, но более сложный вид заимствования, при котором одни медиа оказываются инкорпорированными или репрезентированными в других» (Bolter, Grusin, 2000: 45).

² На пике популярности скевоморфного дизайна казалось, что это понятие преодолевает ограничения ремедиации (Fleming, Brown 2015), однако мода на скевоморф быстро прошла, и в 2020-е о нем говорят не иначе, как об устаревшем виде дизайна (уступившего место плоскому, родственнику «плоских онтологий»: Панкратова 2023). Срабатывают сразу два закона из тетрады Маклюэна: возвращения (воспроизводства прежнего) и реверсии (движения вспять).

Книжность: агентность и антропоморфность

У Смит книги проявляют «свой непреклонный характер» (Смит: 14) и власть, или агентность — в свете акторно-сетевой теории, пусть автор и обходится без ссылок на нее.

Идея непреклонности, самостояния книги прорывается и сквозь возвышенный тон, свойственный Беркову и в целом советской библиофильской традиции. «Не только человек собирает книги, но и книги собирают человека», — так, со слов Н. Смирнова-Сокольского, выразился В. Шкловский, благодаря «одного библиофила» за необходимую консультацию. Берков угадывает в неназванном герое самого Смирнова-Сокольского, провозглашая упомянутый эффект от собирания книг «одной из ценнейших сторон библиофильства, мало учтенной исследователями» (Берков 1967: 142–143). На первый взгляд, идея не слишком новая: с рубежа 1920–1930-х годов вся советская очеркистика вращается вокруг того, как, строя новое общество, и люди неуклонно растут над собой. В данном случае, однако, закономерность обнимает и собирательство книг со всей его двойственностью — Берков прикладывает немало сил, дабы отринуть ненужные ассоциации библиофильства со стяжательством, индивидуализмом и личной (частной?) собственностью.

Смирнов-Сокольский же заканчивает свой рассказ замечательной «проговоркой»: «Книга учит даже тогда, когда вы этого и не ждете, и, может быть, не хотите. Власть книги огромна» (Смирнов-Сокольский 1959: 15). Этот вывод, как и название комментируемой Берковым главки «Власть книги», созвучны названию работы Эммы Смит, но только в русском переводе — «Записки библиофила: почему книги имеют власть над нами». В оригинале созвучие теряется. Российское издание, таким образом, вполне следует отечественной традиции «книг о книгах».

В понимании Смит агентность, равноправная с человеком позиция книги означает, что обе стороны могут относиться друг к другу и хорошо, и дурно. Люди то возвеличивают книги, то устраивают им аутодафе. Но и «книги могут изменить нашу суть, растрепать листы, перепачкать своими грязными пальцами, написать что-нибудь на полях» (Смит: 20). Смит согласна с тем, что «[к]ниги глубоко антропоморфичны» и о них «часто говорят как о живых существах» (Смит: 197). Словно в продолжение высказывания Шкловского о взаимособирании людей и книг она пишет: «Отношения книги и человека взаимны: если мы сделаны из книг¹, то

¹ Слова Шкловского оценил не только Берков или его современник писатель и библиофил В. Лидин, но и М. Рац, весьма прохладно относящийся к советскому библиофильству (Лидин 1962; Рац). Уже в наши дни Галина Юзефович задает гостям своего канала вопрос: «Из каких книг вы состоите?»

и книги сделаны из нас» (Смит: 197). Так постепенно, через картину Арчимбольдо, частицы ДНК читателей в желобках книжных разворотов, Смит подбирается к «особенно отвратительной разновидности книг» — в переплетах из человеческой кожи, приравненным ныне к человеческим останкам (Смит: гл. 13).

При всей антропоморфности и агентности книг британский профессор категорически отказывается уравнивать их с людьми — и это ее принципиальный тезис. Он сформулирован в главе о сожжении книг, уже в названии которой («10 мая 1933 года: сожжение книг») обозначена привязка к эпохе нацизма и конкретной «Акции против антинемецкого духа», когда в 34 немецких городах были преданы огню около 90 тыс. книг (Смит: 128–129). Некоторое представление о том, что «сожжение книг по идеологическим причинам — явление почти такое же старое, как сами книги» (Смит: 121), дают и труды советских библиофилов, но только вскользь, в связи с судьбой тех или иных редкостей. Смит же набрасывает очень широкий контекст, показывая, что помимо идеологических сожжение может служить множеству других целей — от утилизации отходов до уничтожения книг самими авторами (Смит: 121). Берков приводит историю библиофила-мошенника Томаса Уайза: под угрозой разоблачения тот скупал и сжигал экземпляры подделанных им пробных изданий английских писателей XIX в. (Берков 1965: 49; подробнее об Уайзе: Кунин 1984).

Немецкое же «символическое, театрализованное истребление книг» 1933 г. — явление совсем иного рода. Поначалу, однако, мир встретил его «сравнительно сдержанно» (Смит: 129–130), тогда еще не вспоминали фразу из пьесы Гейне 1821–1822 гг.: «Там, где сжигают книги, в конце концов сжигают и людей». Сегодня это высказывание является частью берлинского мемориала, напоминающего о событиях 1933 г., и указывает на ставшую очевидной «связь библиоцида и геноцида» (Смит: 132)¹. Вместе с тем слова Гейне, по мнению Смита, создают «искаженное, неэтичное отождествление, наделяющее книгу антропоморфными чертами», однако «книги не люди, уравнивание уничтожения тех и других выходит далеко за рамки морали» (Смит: 132, 134)².

¹ Признавая эту связь, Смит противится тому, чтобы включать уничтожение книг в число причин уничтожения людей. На мой взгляд, ее критика попадает мимо цели, указывая на логическое замешательство, как если бы не было ясно, что нацистские библиоцид и геноцид связаны принадлежностью к одному источнику, а временная последовательность не тождественна причинно-следственной.

² Смит считает неприемлемым и риторический прием (создающий ложное равенство книг и людей) Р. Брэдбери, который в своем позднем комментарии к роману «451 градус по Фаренгейту» писал: «когда Гитлер сжигал книги, я переживал

Берков менее других советских библиофилов склонен к антропоморфизации, хотя и разделяет характерный пиетет в отношении к книгам и книголюбию. Порой у него явственно слышна ностальгия по старой библиофильской культуре. Порицая снобизм, ленинградский профессор откровенно симпатизирует снобу-дворянину С.А. Соболевскому, представляя его контрагента нувориша-буржуа Я.Ф. Березина-Ширяева и подобных ему библиофилов XIX в. в весьма жалком свете (Берков 1967: 189–201).

Берков упоминает «большие потери книжных ценностей из-за реквизиций, пожаров, расхищений» (Берков 1983: 56) в первые годы советской власти и сопоставимые потери во время Великой Отечественной войны. Может показаться, лишь для того чтобы проследить, как эти ценности перераспределялись в пользу государственных и новых частных собраний и как на этом фоне происходило развитие библиофильских объединений, если не принимать во внимание, когда это писалось. Берков все же говорит о «распылении старых библиотек, иногда переходивших из поколения в поколение с XVIII в.», с большим сочувствием отзываясь о переживающих собирателей, которые решались передать свои лелеемые коллекции государству, и о тех, кому это не удавалось (Берков 1983: 58, 74).

Собственная библиотека Беркова поступила в Минск и хранится в виде целевой коллекции в фонде отдела редких книг и рукописей ЦНБ НАН Беларуси (Стефанович 2016: 209), демонстрируя, с одной стороны, какой мобильностью могут обладать не только отдельные книги, но и целые собрания, пережившие своих владельцев. С другой — напоминая о Беркове не только как об ученом, но и как о библиофиле-собирателе, чего нельзя сказать о Смит. Предлагаемая своя «альтернативную, а иногда и побочную историю книги в руках человека» (Смит: 20) и затрагивая порой библиофилов, сама она в качестве библиофила-собирателя никоим образом не предстает.

Заключение

Не будучи систематическим сравнением, совместное чтение таких разных авторов, как Смит и Берков, обнаруживает свою эвристичность. Сталкивая две традиции восприятия книги, отечественную образца 1960-х

это так же остро, как если бы, простите меня, он сжигал людей, потому что вот уже много веков, как они делались единой плотью» (Смит: 132). В примечаниях Смит поясняет, что цитирует послесловие Брэдбери к изданию романа 1993 г. HarperCollins (Смит: 263). Если быть точными, это слова из предисловия Брэдбери к изданию 1966 г. Переводчица внесла еще большую путаницу, написав об «интервью» Брэдбери вместо «комментария» (later commentary).

и современную британскую, такое чтение помогает оценить поворот к материальности, его особенности в обеих традициях.

Среди того, что лежит на поверхности и прежде всего бросается в глаза при одновременном чтении, — модуляции личного модуса письма. Оба автора применяют его очень дозированно, скользя между «мы» и «я». Смит — для установления доверительного тона, рассказа о работе над книгой. Берков использует свои воспоминания и общение с уцелевшими участниками событий для восполнения документальных лакун тем способом, каким в 1960-е возможен был активизм памяти (очерковая библиофильская литература, о которой он пишет и в которую сам встраивается, вся построена на личных воспоминаниях). Склеивая из осколков романтизируемые 1920-е, он простирает взгляд и на дореволюционный период, очень осторожно протягивая нити преемственности.

Глубинный слой образуют трудные темы, где книжность оказывается вплетена в самые мрачные, чудовищные практики. Работая с трудной памятью, Берков совершает усилие по возвращению имен отечественных библиофилов, Смит — по расшатыванию канонов (например, в отношении Гутенберга) и разоблачению утвердившихся глобальных неравенств.

Литература / References

Агейчева Т.В. (2023) Николай Петрович Лихачев: портрет на фоне эпохи. *Вестник МГУТУ. Сер. общественных наук: история, журналистика, педагогика*, 1: 29–50.

Ageicheva T.V. (2023) Nikolai Petrovich Likhachev: Portrait Against the Background of the Epoch. *Vestnik MGUTU. Ser. obshchestvennykh nauk: istoriya, zhurnalistika, pedagogika* [MGUTU Herald. Series of social sciences: history, journalism, pedagogy], 1: 29–50 (in Russian).

Апухтина Н.Г., Невелева В.С. (2012) Феномен книжности: философско-культурологическое осмысление истории и современного состояния. *Вестник культуры и искусств*, 1(29): 48–51.

Arukhtina N.G., Neveleva V.S. (2012) The Phenomenon of Booklore: A Philosophical and Cultural Understanding of the History and Current State. *Vestnik kul'tury i iskusstv* [Culture and Arts Herald], 1(29): 48–51 (in Russian).

Арсеньев П. (2022) Время и материальность чтения. *Versus*, 2(5): 193–208.

Arseniev P. (2022) Time and the Materiality of Reading. *Versus*, 2(5): 193–208 (in Russian).

Берков П.Н. (1965) *О людях и книгах (из записок книголюбца)*. М.: Книга, 1965.

Berkov P.N. (1965) *Of people and books (from a book lover's note)*. Moscow: Kniga (in Russian).

Берков П.Н. (1967) *Русские книголюбцы*. М.; Л.: Сов. писатель.

Berkov P.N. (1967) *Russian booklovers*. Moscow; Leningrad: Sovetskiy pisatel' (in Russian).

Берков П.Н. (1971) *История советского библиофильства (1917–1967)* (вступ. ст. чл.-корр. АН СССР А.А. Сидорова). М.: Книга.

Berkov P.N. (1971) *The History of Soviet Bibliophilia*. Moscow: Kniga (in Russian).

Берков П.Н. (1983) *История советского библиофильства (1917–1967)* (вступ. ст. чл.-корр. АН СССР А.А. Сидорова и акад. Д.С. Лихачева). 2-е изд. М.: Книга.

Berkov P.N. (1983) *The History of Soviet Bibliophilia*. Moscow: Kniga (in Russian).

Венкатеш С. (2018) *Главарь банды на день: изгой социолог выходит на улицы* (пер. с англ. М. Рейнольдс). М.: РИПОЛ классик.

Venkatesh S. (2018) *Gang Leader for a Day: A Rogue Sociologist Takes to the Streets*. Moscow: RIPOL Classic (in Russian).

Кипиани Н.А. (2018) Об авторском «я» в академическом дискурсе. *Язык. Культура. Перевод. Коммуникация: сб. науч. трудов*, 2. М.: Университетская книга: 423–426.

Kipiani N. (2018) Ob avtorskom “ya” v akademicheskom diskurse [About the author’s “I” in academic discourse]. *Kultura. Perevod. Kommunikatsiya: sbornik nauchnykh trudov*, 2. Moscow: Universitetskaya kniga: 423–426 (in Russian).

Климанов Л.Г. (1991) Ученый и коллекционер, «известный всей России, еще более Европе». Мелуа А.И., Орел В.М. (сост.); Ярошевский М.Г. (общ. ред.). *Репрессированная наука*, 1. Л.: Наука. 1991: 424–453.

Klimanov L.G. (1991) Scientist and collector, «known all over Russia, even more Europe». In: Melua A.I., Orel V.M. (comp.); Yaroshevskiy M.G. (ed.) *Repressirovannaya nauka* [Science under Conditions of Political Repression], 1. Leningrad: Nauka (in Russian).

Колесникова Н.И. (2010) Что важно знать о языке и стиле научных текстов. *Высшее образование в России*, 3: 130–137.

Kolesnikova N.I. (2010) What is important to know about the language and style of academic texts. *Vysshee obrazovanie v Rossii* [Higher Education in Russia], 3: 130–137 (in Russian).

Колесникова Н.И. (2022) Русский научный стиль vs академическое письмо. *Общество. Коммуникация. Образование*, 13(1): 36–47.

Kolesnikova N.I. (2022) Russian scientific style vs academic writing. *Society. Communication. Education*, 13(1): 36–47 (in Russian).

[Машкова М.В.] (1978) Павел Наумович Берков (1896–1969). Берков П.Н. *Избранное: труды по книговедению и библиографоведению*. М.: Книга: 3–16.

[Mashkova M.V.] (1978) Pavel Naumovich Berkov (1896–1969). In: Berkov P.N. *Selected Works on Bibliology and Bibliographic Science*. Moscow: Kniga: 3–16 (in Russian).

Мещерская Е.Н., Пиотровская Е.К. (2012) Музей палеографии академика Н.П. Лихачева и его судьба (1925–1930). «Звучат лишь письма...»: к 150-летию со дня рождения академика Н.П. Лихачева. СПб.: Гос. Эрмитаж: 49–65.

Meshcherskaya E.N., Piotrovskaya E.K. (2012) The Museum of Paleography of Academician N. P. Likhachev and its Fate (1925–1930). “Only Letters Sound...”: On the 150th Anniversary of the Birth of Academician N.P. Likhachev. St. Petersburg: State Hermitage: 49–65 (in Russian).

Москаленко А.В. (2011) Музей палеографии АН СССР: от собрания древностей Н.П. Лихачева к институту вспомогательных исторических дисциплин. *Фотография. Изображение. Документ*, 2(2): 17–22.

Moskalenko A.V. (2011) Museum of Paleography, the USSR Academy of Sciences: from N.P. Likhachev’s Collection of Antiquities to the Institute of Auxiliary Historical Disciplines. *Fotografiya. Izobrazheniye. Dokument* [Photography. Image. Document], 2(2): 17–22 (in Russian).

Николенко А.В. (2011а) П.Н. Берков как историк российского библиофильства: архивные находки (из переписки с редакциями издательства «Книга» и сборника «Книга. Исследования и материалы»). *Федоровские чтения — 2010: материалы Междунар. науч. конф.* М.: 197–211.

Nikolenko A.V. (2011a) P.N. Berkov as a historian of Russian bibliophilia: archival finds (from correspondence with the editors of the publishing house “Book” and the collection “Book. Research and Materials”). *Fedorovskiyе chteniya — 2010* [Fedorov Readings — 2010]: Proc. Int. scientific conf. Moscow: 197–211 (in Russian).

Николенко А.В. (2011б) Вопросы библиофильства в работах П.Н. Беркова: нереализованные проекты и неопубликованные материалы. *Берковские чтения: Книжная культура в контексте международных контактов: материалы Междунар. науч. конф.* (Минск, 25–26 мая 2011 г.). М.: 258–265.

Nikolenko A.V. (2011b) Issues of bibliophilia in the works of P.N. Berkov: unrealized projects and unpublished materials. *Berkovskiyе chteniya: Knizhnaya kul'tura v kontekste mezhdunarodnykh kontaktov* [Berkov Readings: Book Culture in the Context of International Contacts]: Proc. of the Int. scientific conf. (Minsk, May 25–26, 2011). Moscow: 258–265 (in Russian).

Николенко А.В. (2012а) П.Н. Берков и Музей (Институт) книги, документа и письма АН СССР. *Федоровские чтения — 2011.* М.: 453–460; Прилож.: 460–468.

Nikolenko A.V. (2012a) P.N. Berkov and the Museum (Institute) of Books, Documents and Writing of the USSR Academy of Sciences. *Fedorovskiyе chteniya — 2011* [Fedorov Readings — 2011]. Moscow: 453–460; Application: 460–468 (in Russian).

Николенко А.В. (2017) П.Н. Берков в работе над «Историей советского библиофильства» (по архивным материалам). *Библиография*, 4: 13–27.

Nikolenko A.V. (2017) P.N. Berkov in his work on the “History of Soviet Bibliophilia” (based on archival materials). *Bibliography*, 4: 13–27 (in Russian).

Николенко А.В. (2019) Первый опыт создания истории российского библиофильства. Памяти П.Н. Беркова (1896–1969). *Современные проблемы книжной культуры: основные тенденции и перспективы развития*: материалы X междунар. науч. семинара и XI Белорус.-Рос. науч. семинара, Москва, 12 сент. 2019 г., 9 окт. 2019 г. М.: Наука; Минск: Центр. науч. б-ка НАН Беларуси: 132–144.

Nikolenko A.V. (2019) The First Experience of Creating a History of Russian Bibliophilia. In Memory of P.N. Berkov (1896–1969). *Modern Problems of Book Culture: Main Trends and Development Prospects*: Proceedings of the X International Scientific Seminar and XI Belarusian-Russian Scientific Seminar, Moscow, September 12, 2019, October 9, 2019. Moscow: Nauka; Minsk: Central Scientific Library of the National Academy of Sciences of Belarus: 132–144 (in Russian).

Николенко А.В. (2021) История библиофильства в трудах П.Н. Беркова: к 125-летию со дня рождения. *Берковские чтения — 2021. Книжная культура в контексте международных контактов*: материалы VI междунар. науч. конф., Гродно, 26–27 мая 2021. Минск: ЦНБ НАН Беларуси; М.: Наука: 366–377.

Nikolenko A.V. (2021) The history of bibliophilia in the works by P.N. Berkov: to the 125th anniversary of his birth. *Berkovskye chteniya 2021. Book culture in the context of International contacts*. Minsk: Central Scientific Library of the National Academy of Sciences of Belarus; Moscow: Science: 366–377 (in Russian).

Панкратова А.В. (2023) Плоский дизайн как визуализация плоских онтологий. *Культура и искусство*, 7: 23–32.

Pankratova A.V. (2023) Flat design as visualization of flat ontologies. *Kultura i iskusstvo [Culture and Art]*, 7: 23–32 (in Russian).

Пинчук О.В. (2025) Особенности методологии наблюдающего участия в этнографических исследованиях труда и рабочего места. Дис. ... канд. соц. н. М.

Pinchuk O.V. (2025) *Features of the methodology of observant participation in ethnography of work and the workplace*. Thesis for the purpose of obtaining academic degree PhD in Sociology. Moscow (in Russian).

Руттен Э. (2017) Советская риторика искренности. *Неприкосновенный запас*, 3(113): 172–192.

Rutten E. (2017) Soviet rhetoric of sincerity. *Neprikosnovennyy zapas [Emergency reserve]*, 3(113): 172–192 (in Russian).

Самарин А.Ю. (2023) Книги из библиотеки академика Н. П. Лихачёва на современных антикварных аукционах. *Берковские чтения — 2023. Книжная культура в контексте международных контактов*: материалы VII Междунар. науч. конф.: в 2-х т., Брест, 24–25 мая 2023 г. Т. 2. М.: Наука, Минск: ЦНБ НАН Беларуси: 243–247.

Samarin A.Yu. (2023) Books from the library of Academician N.P. Likhachev at modern antique auctions. *Berkovskye chteniya 2023. Book culture in the context of International contacts*. Moscow: Science; Minsk: Central Scientific Library of the National Academy of Sciences of Belarus; 243–247 (in Russian).

Свойский М.Л. (1977) Факты, события, люди. Музей палеографии. *Вопросы истории*, 4: 211–215.

Svoiskii M.L. (1977) Facts, events, people. Museum of paleography. *Voprosy Istarii*, 4: 211–215 (in Russian).

СМИТ Э. (2023) *Записки библиофила : почему книги имеют власть над нами* / пер. с англ. Т. Камышниковой. М.: КоЛибри; Азбука-Аттикус.

Smith E. (2023) *Notes of a Bibliophile: Why Books Have Power Over Us* / trans. from English by T. Kamyshnikova [Original title: “Portable magic. A History of Books and Their Readers”] Moscow: KoLibri; Azbuka-Atticus (in Russian).

Щемелева И.Ю. (2013) Местоимения как средство передачи авторской позиции в английском и русском научных текстах. *Вестник Санкт-Петербург. ун-та. Язык и литература*, 9(4): 143–153.

Schemeleva I.Yu. (2013) Pronouns as a means of conveying the author’s position in English and Russian scientific texts. *Bulletin of Saint Petersburg University. Language and Literature*, 9(4): 143–153 (In Russian).

Bolter J.D., Grusin R. (1996) Remediation. *Configurations*, 4(3): 311–358.

Bolter J.D., Grusin R. (2000) *Remediation: Understanding New Media*. Cambridge, MA: MIT Press.

Bolter J.D. (2016) Remediation. *The international encyclopedia of communication theory and philosophy*. New York: John Wiley & Sons: 1–11.

Colyar J. (2009) Becoming Writing, Becoming Writers. *Qualitative Inquiry*, 15(2): 421–436.

Fleming D.H., Brown W. (2015) A skeuomorphic cinema: film form, content and criticism in the ‘Post-Analogue’ Era. *Fibreculture Journal*, 24(176): 81–105.

Hyland K., Jiang F.K. (2019) *Academic discourse and global publishing: Disciplinary persuasion in changing times*. London: Routledge.

Hyland K., Jiang F.K. (2016) Change of attitude? A diachronic study of stance. *Written Communication*, 33(3): 215–274.

Jones J.L. (2017) Print nostalgia: Skeuomorphism and Rockwell Kent’s woodblock style. *American Art*, 31(3): 2–25.

Metz B. (2021) Bookishness and the Body of the Book/the Body of the Reader: On the Usages of Books. In: Hildebrand-Schat V., Bazarnik K., Schulz Ch.B. (eds.) *Refresh the Book: On the Hybrid Nature of the Book in the Age of Electronic Publishing*, 41. Leiden; Boston: Brill Rodopi: 288–308.

Pressman J. (2009) The Aesthetic of Bookishness in Twenty-First-Century Literature. *Michigan Quarterly Review*, 48(4): 465–482.

Pressman J. (2018) Bookwork and Bookishness: An Interview with Doug Beube and Brian Dettmer. In: Wurth K.B., Driscoll K, Pressman J. (eds.) *Book Presence in a Digital Age*. New York: Bloomsbury Academic: 60–67.

Pressman J. (2020) *Bookishness: Loving Books in a Digital Age*. New York: Columbia UP.

Schilhab Th., Walker S. (eds.) (2020) *The Materiality of Reading*. Aarhus University Press.

Vassileva I. (1998) Who am I / who are we in academic writing? A contrastive analysis of authorial presence in English, German, French, Russian and Bulgarian. *International Journal of Applied Linguistics*, 8(2): 163–190.

Venkatesh S.A. (2013) The reflexive turn: The rise of first-person ethnography. *The Sociological Quarterly*, 54(1): 3–8.

Источники

Андреева В.В., Ростовцев Е.А. (сост., ред.) (б. д.) Берков Павел Наумович. *Биографика СПбГУ* [<https://bioslovhist.spbu.ru/person/2331-berkov-pavel-naumovic.html>] (дата обращения: 22.01.2025).

Воссоздан Палеографический кабинет академика Н.П. Лихачева (2022) *Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук. История*. [<https://spbiiaran.ru/vossozdan-paleograficheskiy-kabinet-akademika-n-p-lihacheva/>] (дата обращения: 22.01.2025).

Кунин В.В. (1984) *Библиофилы и библиоманы*. М.: Книга.

Молева Н. (2003) Хроника запланированного погрома. *Искусство*, 1. [<https://iskusstvo-info.ru/hronika-zaplanirovannogo-pogroma/>] (дата обращения: 22.01.2025).

[Николенко А.В. публ., предисл. и коммент.] (2011в) «Любовь к книге есть любовь к людям...»: Берков П.Н. История русского библиофильства. *Книга: исследования и материалы*. Сб. 94/2. М.: 131–150.

[Николенко А.В. публ., предисл. и коммент.] (2012б) «Любовь к книге есть любовь к людям...»: Берков П.Н. История русского библиофильства. *Книга: исследования и материалы*. Сб. 95. М.: 111–139.

Померанцев В.М. (1953) Об искренности в литературе. *Новый Мир*, 12: 218–245.

Сим Альбер (1845–1924) (1980) Любители книг и книжные воры (пер. В. Мильчиной). *Альманах библиофила*, 8. М.: 209–237.

Смирнов-Сокольский Ник. (1945) Моя библиотека (Заметки книголюба). *Смена*, 3–4. Февр.: 12–13.

Смирнов-Сокольский Н.П. (1959) *Рассказы о книгах*. М.: Изд-во Всесоюзной книжной палаты.

Biblia. T. 1. [Mainz]: [Johann Gutenberg], [1454/1455-non post Aug. 1456]. [<https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01000840779?page=1&rotate=0&theme=white>] (дата обращения: 22.01.2025).

BOOKS ABOUT BOOKS, READERS AND COLLECTORS: THE EFFECT OF SIMULTANEOUS READING

Natalia Veselkova
(vesselkova@mail.ru)

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin,
Yekaterinburg, Russia

Citation: Veselkova N. (2025) Books about books, readers and collectors: the effect of simultaneous reading. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 28(1): 239–261 (in Russian).
<https://doi.org/10.31119/jssa.2025.28.1.11> EDN: DCLYPY

Abstract. The synergetic effect of simultaneous reading is examined using the example of a recent book by Oxford professor of English literature Emma Smith, “Portable Magic: A History of Books and Their Readers”, and the half-century-old “History of Soviet Bibliophilia” by Leningrad professor of Russian literature Pavel Berkov. Simultaneous or joint reading is likened to conjoint analysis, where the reader finds himself in the role of a test subject. By confronting two traditions of book perception: the domestic one of the 1960s and the current British one, such reading helps to evaluate the current turn to materiality, which tunes attention to the agency of things. Modulations of the personal mode of writing, difficult memory, bookhood, and anthropomorphism are analyzed. The differently resolved inclusion of the author’s “I” is relevant in the context of current discussions about the transformation of the norms of academic writing. To what extent can a scientist’s text be personal and biographically colored, raising special questions and permeated with fundamental ethical issues? Joint reading shows in what cases and for what purpose the authors resort to personal accents. In Berkov’s work, the personal mode is involved in the work of difficult memory, in the story about repressed scientists, bibliophiles (N.N. Orlov, N.P. Likhachev), in Smith’s work it is somewhat different. She also solves the theme of difficult memory differently, in the context of global inequalities, but it is also there. Smith’s concept of bookhood differs from that accepted in the Russian tradition and describes the multisensory materiality of a book, uniting form with content. Moving away from the romanticization of bookhood, Smith considers the participation of books in social macroprocesses: the confrontation of ideologies, the spread of marketing strategies, etc. Both authors insist on the agency of the book, but in Berkov’s work it is an elevating force for a person, while in Smith’s work it is ambivalent. For Smith, the refusal to equate books with people is fundamental.

Keywords: bookhood, materiality, personal mode in academic writing, remediation, anthropomorphism, Pavel Berkov, Emma Smith.